

Е. Н. КИМЕЕВА

„Послание митрополиту Даниилу“ Федора Карпова

Федор Иванович Карпов предстает перед нами не только как известный дипломат, но и как писатель-публицист, образованнейший человек своего времени. Однако, характеризуя Ф. Карпова, нельзя ни на минуту отвлекаться от конкретной исторической обстановки, от той политической борьбы между сторонниками сильной неограниченной власти государя и противниками ее, которая разгоралась все острее и нашла свое окончательное разрешение в „опричнине“ Ивана Грозного (1564). Нам важно выяснить, идеологию каких кругов господствующего класса выражал Ф. Карпов в своей публицистической и общественной деятельности.

Хотя сведения о Ф. Карпове в источниках скудны и касаются, главным образом, его дипломатической деятельности, но они все же позволяют сделать определенный вывод о принадлежности Ф. Карпова к оппозиционно настроенным слоям господствующего класса. Попробуем доказать это, основываясь на тех сведениях, которые дают нам источники.

Из документов мы узнаем о связи Ф. Карпова с Максимом Греком.¹

Акад. В. С. Иконников в своей работе „Русские общественные деятели XVI в.“² сообщает, что по прибытии Максима Грека в Русское государство вокруг него сплотился тесный кружок одинаково мыслящих лиц. Его келья стала местом собрания, куда сходились „книжные“ люди толковать о делах книжных и общественных нуждах; иногда их беседа доходила и до политических обстоятельств Русского государства.³ В. С. Иконников сообщает нам и имена лиц, постоянно посещавших Максима Грека. Вот они: князь Петр Шуйский, князь Андрей Холмский, Василий Михайлович Тучков, Иван Данилович Сабуров, Иван Никитич Берсень-Беклемишев, дьяк Федор Жареный, Ф. Карпов, Дмитрий Герасимов, Нил Курлятев, князь-инок Вассиан Косой, князь Андрей Курбский и др.⁴ Все это были люди, так или иначе настроенные оппозиционно к существующей государственной власти. Это были, несомненно, представители двух поколений оппози-

¹ О Максиме Греке см. следующие работы: В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Изд. 2-е, Киев, 1915; В. Ф. Ржига. Максим Грек как публицист. Труды Отдела древнерусской литературы, вып. 1, 1934; И. И. Смирнов. К вопросу о суде над М. Греком. Вопросы истории, № 2—3, 1946.

² В. С. Иконников. Русские общественные деятели XVI в. Киев, 1866.

³ Там же, стр. 44.

⁴ Там же.

ционно настроенных слоев господствующего класса. На то обстоятельство, что это были представители именно двух поколений, указывают косвенные данные. Не мог же князь Андрей Курбский, родившийся в 1528 году, посещать Максима Грека в первые годы приезда последнего на Русь. Видимо, представители старшего поколения имели связи с Максимом Греком до его заточения, т. е. в начале 20-х годов. Это и Берсень-Беклемишев, и Василий Михайлович Тучков, и дьяк Жареный, и Вассиан Косой, и Ф. И. Карпов, и др. Представители же младшего поколения были связаны с Максимом Греком уже после его освобождения, т. е. в 50-е годы (Андрей Курбский, Нил Курлятев и др.). Многие из людей старшего поколения поплатились жизнью за свои выступления против центральной власти: Берсень-Беклемишев казнен в 1525 году, Дьяк Жареный заточен в темницу тоже в 1525 году, князь Вассиан Косой заточен в монастырь в 1531 году.

И. И. Смирнов в своей статье „К вопросу о суде над Максимом Греком“¹ доказывает принадлежность Максима Грека к боярской оппозиции. Он считает, что связь Максима Грека с представителями опального боярства находит объяснение в его резко враждебной настроенности против центральной власти.

Разумеется, консервативное боярство не тянулось бы так к Максиму Греку, если бы не видел в нем своего единомышленника. Также и Ф. Карпов, связанный с консервативными боярскими кругами, не мог в какой-то мере не разделять их взглядов. Нам известна характеристика, данная Ф. Карпову Андреем Курбским: он назвал его „разумным мужем“.² Ярый представитель оппозиции, противник сильной центральной власти, изменивший Родине и бежавший в Литву, князь Андрей Курбский не стал бы так благосклонно и с явным уважением отзываться о Ф. Карпове, если бы не видел в нем сторонника тех же порядков, которые он сам защищал перед царем. В высказываниях же Курбского о лицах, близких к Ивану Грозному и защищавших неограниченную власть последнего, много зла, едкой иронии, прямой ненависти: Вассиан Топорков, посветовавший царю не иметь около себя советников, — „вселукавый мних“.³ Другие — это и „презлые ласкатели“⁴ и „пагубники отечества“.⁵ А сколько в этих характеристиках прямого унижения сторонников Грозного: „сильных и славных изгнал, вместо же храбрых и нарочитых мужей усердствуешь с воеводишками и каликами“.⁶

Оппозиционность Ф. Карпова нашла свое отражение только в его публицистической деятельности, в его связях с Максимом Греком и консервативными княжеско-боярскими кругами. Связи эти, повидимому, не были чисто внешними, основой их служило одинаковое критическое отношение к современному политическому строю.

Характерно, что боярские оппозиционные круги были очень недовольны внешней политикой Василия III, особенно его политикой по отношению к восточным странам. Опальный Берсень-Беклемишев резко критиковал ее, хорошо зная все подробности: „А во се ныне отовсюду

¹ И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. Вопросы истории, № 2—3, 1946.

² Сочинения кн. А. Курбского. Русская историческая библиотека, т. XXXI. СПб., 1914, стр. 436.

³ Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского. СПб., 1868, стр. 212.

⁴ Там же, стр. 200, 212.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 212.

брани, ни с кем нам миру нет: ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, все нам недрузи, а за наше нестроенье“.¹ Критиковал Берсень-Беклемишев и политику великого князя в отношении Турции.² Он мог получать столь подробные сведения о восточных делах и от Ф. Карпова, который принимал самое активное участие в сношениях с восточными странами и, встречаясь нередко с Берсением у Максима Грека, имел возможность посвящать его в дела внешней политики.

Однако открытых выступлений против существующего порядка у самого Ф. Карпова не было, хотя в деле Берсень-Беклемишева (политический процесс 1525 года) и был замешан его двоюродный брат Петр Муха Карпов.³ Поэтому для определения социальной принадлежности Ф. Карпова, для характеристики его взглядов особенно важное значение имеют его публицистические произведения.

До нас дошло всего три его произведения: два послания Максиму Греку и одно митрополиту Даниилу.⁴ В. Ф. Ржига сообщает о наличии еще одного (неопубликованного) произведения Ф. Карпова — послания к иноку Филофею, находящегося в Москве, в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, среди рукописей Н. С. Тихонравова. Но источники позволяют нам сделать предположение о более широкой публицистической деятельности Ф. Карпова. В частности, из произведений Максима Грека можно установить наличие оживленной переписки между ними, обмена мыслями по важным вопросам современности — об объединении церквей, православной и католической, и об астрологии.

В начале XVI века в Москве шла усиленная пропаганда идеи объединения церквей под главенством католической церкви. Этой пропагандой занимался великокняжеский врач, немец, родом из Любека, Николай Булев (Немчин). Он утверждал, будто разница между латинской церковью и православной не существенна и не препятствует соединению. Он же занимался распространением астрологических взглядов.

О Н. Булеве как о „профессоре медицины и астрологии и всех наук основательнейшем“ отзывался Франциск-де-Коло, посол императора Максимилиана, прибывший на Русь для посредничества в переговорах Василия III о мире с Литовско-Польским государством. Отзыв этот мог знать Ф. Карпов.⁵ Н. Булеву, видимо, и удалось заинтересовать своими идеями Ф. Карпова. Ф. Карпов, близко знавший Максима Грека, ценивший его ум и широкую образованность, не раз обращался к нему за разъяснениями по самым разнообразным вопросам, а по поводу идеи соединения церквей даже вызывал его на полемическую дискуссию с Николаем Немчиным.⁶ В ответ на обращение Карпова Максим Грек написал в два приема огромный трактат — „Слово на

¹ Отрывок следственного дела И. Берсень-Беклемишева. Акты Археографической экспедиции, т. I, № 172.

² Там же.

³ М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. Сб. „Московский край в его прошлом“, ч. 2, М., 1930, стр. 112.

⁴ „Послание митрополиту Даниилу“ издано В. Г. Дружининым в „Летописи знагий Археографической комиссии“ (вып. 21, 1908, стр. 106—113; далее сокращенно — ЛЗАК), послания Максиму Греку изданы: одно в сочинениях Максима Грека (Казань, 1897, ч. III, стр. 222—224), другое Н. К. Никольским в „Христианском чтении“ (1909, август, стр. 15—16).

⁵ В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 229.

⁶ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1, Казань, 1895, стр. 188.

латинов“¹, в котором доказывал невозможность объединения православной церкви с католической.

Интерес Ф. Карпова к идее соединения церквей был своеобразным проявлением оппозиционности к существующему строю. Ведь ионосифянская церковь, только недавно освободившаяся из-под опеки византийской церкви, ни в коем случае не могла благосклонно относиться к идее соединения церквей да еще под главенством католической церкви, и, следовательно, эта идея не могла быть одобрена и центральной властью.

В немногих сохранившихся своих произведениях Ф. Карпов выступает перед нами как человек с пытливым, беспокойным и ищущим умом. Он пытался освободиться от нерушимых церковных догм, проникнуть в самую суть явлений. Ему была чужда религиозная схоластика. В этом отношении особенно интересно его обращение к Максиму Греку по поводу встреченных им противоречий в Библии. Карпов пытается добиться разрешения своих сомнений: „... аз же ныне изнемогаю умом, в глубину впад сомнения, прошу и мил ся дею, да ми некая целебная присиплещи и мысль мою успокоиши“.² И далее: „не премолчит бо во мне многоопытный мой помысел, хоцет ведати, ему же несть господин, и тшится найти, его же несть изгубил, мыслит чести, его же несть учил, хоцет победити, ему же несть победил“.³

Критическое отношение Ф. Карпова к религиозной догме, его пытливость и постоянные искания были средством борьбы с религиозной схоластикой официальной церкви.

Против астрологических воззрений Ф. Карпова направлен ряд сочинений Максима Грека. Но, выступая против заблуждений Карпова, Максим Грек остается высокого мнения о нем, о его уме и способностях. Это видно и по тону его посланий и по обращению к Ф. Карпову. Он пишет, что астрологические взгляды не достойны „благочестию и разуму твоему“,⁴ называет Ф. Карпова „честнейшим Феодором“,⁵ „мудрейшим Феодором“⁶ и т. д. и особо подчеркивает, что выступает не вообще против „приобщения к наказанию словесных учений, украшающих божия человека, а лишь от излишних и заповеданных священными правилами и отлучающих убо верные помыслы от веры и от упования яже от бога“.⁷

Все это свидетельствует о том, что между Ф. Карповым и Максимом Греком существовали не только внешние, но и глубокие идейные связи, на которые не могли повлиять даже разногласия в вопросах об отношении к религиозной догме.

Из произведений Максима Грека мы узнаем еще о двух увлечениях Ф. Карпова — медициной и философией, но источники не дают нам возможности выяснить, в чем проявлялся интерес Карпова к этим наукам. Кроме того, читая произведения Ф. Карпова, можно установить следы знакомства его с отдельными произведениями античной литературы. Так, в „Послании митрополиту Даниилу“ он цитирует Аристотеля и дает дословный перевод двух стихов из „Метаморфоз“

¹ Сочинения преп. Максима Грека, ч. I, XII — XIII слова.

² Там же, ч. III, 1897, стр. 222.

³ Там же, стр. 222—223.

⁴ Там же, ч. I, стр. 278.

⁵ Там же, стр. 186.

⁶ Там же, стр. 205, 207.

⁷ Там же, стр. 298.

Овидия.¹ Ф. Карпов несомненно знал латинский язык, ибо переводов Овидия на древнерусский язык в то время не существовало. В послании к Филофею иноку Ф. Карпов пишет, что одобряет все написанное „гомеровым слогом“, проникнутое „риторским разумом“, искусно сложенное „не варварски, но грамматически“.² Из тех же его произведений можно установить, что Ф. Карпов прекрасно знал богословскую литературу и нередко цитировал ее. Знание Ф. Карповым татарского языка было связано с его дипломатической деятельностью как необходимое для переговоров с восточными государствами.

Ф. Карпову было свойственно критическое отношение к своим собственным знаниям. Так, в послании к Максиму Греку он писал: „мнитмися, отче, подобает недомыслящемуся не стыдиться о них же недомыслия, но исповедати свое неразумение мудрейшим“.³

* * *

Живя в бурную эпоху и вращаясь в высших сферах, Ф. Карпов не мог остаться в стороне от волнующих политических проблем своего времени, в стороне от все более обострявшейся политической борьбы. Борьба эта развивалась в различных направлениях и имела самые разнообразные формы и оттенки выражения.

В среде оппозиционного консервативного боярства мы видим, с одной стороны, лиц, непримиримо настроенных по отношению к усиливающейся великокняжеской власти и открыто выступавших против самодержавной власти. К таким относится боярин Берсень-Беклемишев. С другой стороны, часть тех же оппозиционно настроенных лиц боялась открыто выступить с критикой существующих порядков, затаив в себе недовольство усиливающейся центральной властью, и высказывала это недовольство лишь при случае, в частных письмах и посланиях, в тщательно прикрытой форме. Нередко представители этой группы в своей служебной деятельности были тесно связаны с ненавистной им самодержавной властью. К таким относится и боярин Ф. И. Карпов, дипломатическая деятельность которого была непосредственно направлена на укрепление новой власти.

Для характеристики политических взглядов Ф. Карпова исключительную важность представляет его „Послание митрополиту Даниилу“. Это послание было обнаружено В. Г. Дружининым в „Сборнике XVI в.“, вывезенном из города Кемь и приобретенном в 1908 году Рукописным отделом Публичной библиотеки (л. 313—329), и вместе с несколькими другими памятниками „Сборника“ было им опубликовано.⁴ Послание имеет следующее заглавие: „Высокия книжности разуму уроженному, святейшему господину Данилу митрополиту всеа Руси раб святыни твоеа Феодорець Иванов сын Карпов челом бьет“. Язык послания изящный и образный, но в то же время довольно сложный и трудный.

Если бы мы ничего не знали о личности Ф. Карпова из других источников, то даже по одному этому посланию могли бы судить об его широкой образованности. Послание дает нам возможность отметить прекрасное знание Ф. Карповым богословской литературы, интерес к античным авторам, в частности знание Аристотеля и Овидия.

¹ ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 112.

² Известия Академии Наук, № 15, 1914, стр. 1105.

³ Сочинения преп. Максима Грека, ч. III, стр. 222.

⁴ ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 106—113.

В послании выражаются взгляды Ф. Карпова на окружавшую его действительность. Это — единственный источник, сохранивший до нашего времени его политические взгляды. Судя по посланию, взгляды Ф. Карпова на государственную власть резко расходятся со взглядами митрополита Даниила.

Начинается послание похвалой митрополиту Даниилу. Этой теме, а с другой стороны, полемике с митрополитом Даниилом посвящена значительная часть послания. Ф. Карпов не скупится на похвалы, говорит о совершенствах митрополита Даниила, о его широкой образованности, однако самый преувеличенный тон этих похвал наводит на мысль об ироническом отношении к адресату: „Како бо возможно есть мне не свершеному от свершенных и вышних вещей свершенешему тебе отвещати... Елико звезды отстоят от земли, и елико запад от вьстока, и свет от тмы, и сладкое от горкаго, и белость от черности, толико исповедую моему несвершению отстоати от твоего свершения“.¹ „Паки перо на похвалу обращу, добродетели зеркало именуа тебя, и поучения златаго — сладчайши орган напишю тебе славнейша света учителю, не сумнюся убо и звездою светлою нарищи тебе, от нея же лучи злаго слуха не исходят, ты светилник горящ, иже тмы омрачения не весть; ты благовонный цвет добродетели, иже смрада оклеветательного гнушается, ты бисер всех благых, ты свет учителем, ты уста Христова, ты глас небесный, ты книжник живота, иже о мне, мне и не хотящу славishi мя честию, ей же убо не достоин есмь, везде о мне проповедаеши и писаньи твоими угоднейшими мене чувствуа, поздравляеши, в них же паки ты, славны провославныа церкви свет, солнца яснее, мой темный ум мраком неведения омрачен и осиянию вечнаго света призываеши...“.² „Лепо есть и на всяко время на всяком месте от всего сердца, целым умом, всеми силами моими, свершенным желанцем, делом и словом в всем животе моем тебе возлюблю, и не яз токмо но и вси вернии правии сердцем възлюбят и восхвалят тя, почтят и прославят тя купно со мною, иже тебя вчтена на святительство и наказана по очьского закона и истинне, аки отца чувствуют и тебе всякою премудростию опасному ведением научену и учения исполнену, аки вожу, последуют жизнь, в ней же славятся блаженных души не ложно и следят. Твое бо учение светлое темного Феодора просвещает и по сих многая благодарения воздаа тебе за твоа благоденя...“.³

Эта часть послания проникнута едкой и тонкой иронией. Разумеется, Ф. Карпов не считал себя таким уж невеждой по сравнению с митрополитом Даниилом, как это можно вывести из его слов. Самоуничижение Ф. Карпова не искреннее, так же как и превозношение митрополита. Это своеобразный прием, к которому он прибегает, чтобы поиздеваться в скрытой форме над своим политическим противником. Не остались незатронутыми даже гастрономические вкусы митрополита Даниила: „Аз бо желаю, дабы писанеицо сие неученное твоим ученым ушесем тако бы сладко было, якоже устом моим сладка твоа рыбаца, ту не поданная“.⁴

Восхваление митрополита, его якобы „светлого“ учения нужно Ф. Карпову и для того, чтобы прикрыть свои собственные противоположные взгляды и переключить внимание митрополита на второсте-

¹ ЛЗАК, 1908, вып. 21, стр. 107.

² Там же.

³ Там же, стр. 107—108.

⁴ Там же, стр. 108.

пенные вопросы, показать себя „якобы“ его последователем. Это своеобразный дипломатический прием, к которому Ф. Карпов прибегает для маскировки своих взглядов.

Затем идет главная часть послания, которая содержит основные мысли автора. Эта часть наиболее важна для нас, так как отражает взгляды Ф. И. Карпова на государственную власть. Ф. Карпов ставит в этой части вопрос: что необходимо для существования государства — терпение или правда? Если терпение потребно для соблюдения владычества и царства, тогда напрасно сложены законы, тогда обычаи святы и благие уставы будут разрушены и сильные будут угнетать бессильных. Если надо жить, руководствуясь терпением, тогда зачем же царству или владычеству правители и князья? Ф. Карпов протестует против терпения: „... с молвою сильный погнетет бессильного, да тръпение имать“.¹ Не нужны будут тогда судьи в царстве, „зане терпение вся исполнит, идеже в терпении жити будет“.² Если же правда потребна во всяком „градском деле и царстве“, если по ней каждому свое воздается, „свято и праведно живется, тогда хвала тръпения погибнуть“.

В мирском обществе, руководствующемся терпением, господствуют насилия, истязания, люди за серебро приобретают себе слуг или оружие, или коней, или одежды красные. „Аз тръплю, — говорит Ф. Карпов, — не имея же предреченных, в что вменится мое тръпение, разве оставится от отечества, изгонится от службы честны, причтется нищко службе не потребне“.³ „Дело народное в градах и царствех погибнет долгодуществом терпения, долготръпение в людех без правды и закона общества добро разрушает и дело народное ни во что низводит, злыя нравы в царствех вводит и творит людей государем непослушных за нищету“.⁴

Нетрудно заметить, что жизнь в терпении и смирении ассоциируется у Ф. Карпова с неограниченным произволом со стороны верховной власти. Выступая против терпения и смирения в обществе, Ф. Карпов в скрытой форме протестует против произвола самодержавной власти и, следовательно, против существующего порядка.

Но Ф. Карпов не только выступает против существующего порядка. Он выдвигает свою положительную программу, которую подкрепляет ссылками на идеальное государство Аристотеля и на историю развития человеческого общества. Всякий город и всякое царство, — говорит Ф. Карпов, — должны управляться начальниками по Аристотелю, правдою и известными законами праведными, а не терпением. Люди, по мнению Карпова, должны жить под властью царей, обязанность которых — в своих царствах и городах защищать неповинных, освобождать страждущих, вредящих и озлобляющих наказывать, „неисцельных же от среды благих возмут“.⁵

Цари и начальники всех стран и народов должны быть подобны „гуслей игрецу Давиду“. Как он „соединяет к согласию“ струны гуслей и извлекает из них сладкие звуки, так и „начальник всякого самодержавства блудящих и врежающих грешник“ должен понуждать к согласию „грозою закона и правды, а добрых подвластных беречи своим жалованием“ и милостью и призывать к добродетели и добрым

¹ ЛЗАК, 1908, вып. 21, стр. 109.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 110.

делам дарами и сладкими и благими словами, злых же неисправимых истреблять, т. е. поступать так, как „беседует“ „нравоучительный“ философ Аристотель в своей десятой книге о нравах. Если же правитель не будет „прилежен в попечении своих подвластных, но неповинных от сильных погнестися попустит“, за то „ответ воздати велиему судьи должен... по глаголу апостола Павла к римлянам: „достойни суть смерти не токмо творящии, но и иже попускають творящим“.¹

Ф. Карпов считает, что во все времена люди жили под властью закона: „в время естества под законом естественным, второе, во время закона, под законом Моисейским, третье и ныне, во время благодати, под законом Христовым, зане в всяко время от перваго зла Каинова дажд до последнего зла человеци в сем смертном мире всегда будут злии меж добрых смешны“ и всегда будут причинять зло добрым людям.² Поэтому и законы нужны, „да тех страхом человеческая дерзость запретится“.

По мнению Ф. Карпова, законы должны основываться на правде, а правда должна сочетаться с милостью, за которую и любят подвластные своих князей: „милость бо без правды малодушьство есть, а правда без милости мучительство есть, и сия два разрушают царство и всяко градосожительство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укрощаема сохраняют царя царство во многодньстве“.³

Но в данном послании Ф. Карпов не выступает против смирения и терпения вообще. Он выступает против смирения и терпения в гражданском обществе. Он считает, что „в монастырех бо от братии никогда подобает оскудети терпению“.⁴ Терпение потребно проповедникам, которые тем „сподобляются сожребиа агельскаго“⁵ (так как терпением искушаются избранные) и, как золото в горниле, им очищаются и возносятся на небо. Ф. Карпов сам разъясняет, что он „терпения не отвергох, но показах токмо, коль потребна суть во всяком гражданстве правда и законы“ „ко исправлению неустройных“.⁶

Это выступление Ф. Карпова за смирение и терпение среди духовенства является попыткой ограничить политическую роль церкви, верной союзницы самодержавной власти, чисто духовной сферой деятельности и таким образом ослабить центральную власть. Возможно, что здесь нашли свое отражение и идеи нестяжательства, разделявшиеся княжеско-боярской оппозиционной средой.

Послание содержит взгляды Ф. Карпова на окружающие его нравы. Эта часть послания характеризуется мрачной настроенностью автора. „Но, увы, ужо в нынешние времена, — говорит Ф. Карпов, — мнози начальники на своих подвластных и сирых не призирають, но их под неверными приказьщики погнетатися попускають о страже должной стада порученнаго нерадьяще, под тяжкою работою терпения жити своих попускають и не расматрять, яко человекьский род немощен есть и паче похотению последует чювственному неже правому словства суду“.⁷ „Благословеннейший еуаггелист Иоанн «весь мир во

¹ Там же.

² Там же, стр. 110—111.

³ Там же, стр. 111.

⁴ Там же, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 111.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 110

зле лежати» писать“. Золотые времена истинно настали ныне, с золотом приходит сан, с золотом „советуется любовь, в цене цена ныне есть“...¹. Никакой порок „не скуден“, в том числе и разврат, „от него же дело общее человеческое падает“.² „Много ныне в мире в наши времена, — рассуждает далее Ф. Карпов, — лъстей и лукавствы“. Кто навредил одному, хочет навредить и другому, „ум строптивых злых не поучается ползу чинити“, но зато беспамятен в отношении сделанного ему добра. Лукавый человек радуется воздать „за мед яд, за плод пеню, за благость лесть. Ныне брани везде, ныне живут от похищения, несть гостиник от гостя без боязни, несть тесть от зятя, и братская убо любовь редка есть“.³ Кто взял ризу, хочет взять и сорочку, укравший овцу „мыслит отвести и корову“ и не только на этом не успокаивается, но и сколько может хочет похитить у ближнего и его самого жизни лишит: „От сих бо дело уразумел еси, коль вредными и не угодными стезями хромыми ногами, слепыми очима она земная власть и все естество человеческое ходить ныне“.³

Как мы можем убедиться, эта часть послания представляет обличение порядков, современных Ф. Карпову, переходящее порой в прямое порицание современной ему государственной власти. Для того чтобы ярче оттенить существующее положение, Ф. Карпов прибегает и к аллегорической форме изображения действительности. „Множайша тебе о сем существе сложил бы, — пишет он, — аще бы любезное и плодотворное было лето, в нем же в птичьих песнях писати услаждает писца. Ныне же врази животу, мраз, студен снег и дым разум смущають, персты стесняють, очи слезити понужають, чернило мрзнуть, харатью сажею опорочають, коя вся писцу спротивна быти видятся“.⁴ Аллегория эта нужна Ф. Карпову и для того, чтобы показать, как неблагоприятен для человеческой жизни существующий строй.

В конце послания Ф. Карпов выказывает себя противником всякого прогресса, всякого движения общества вперед.

По какому поводу это послание могло быть написано, с какою целью и когда? Акад. В. С. Иконников в своей работе „Максим Грек и его время“ высказал предположение о том, что Ф. И. Карпов за что-то „подвергся опале, а когда митрополит Даниил посоветовал ему сносить ее со смирением и терпением, ответил этим посланием. Версию эту подхватили уже в советское время В. Ф. Ржига и И. У. Будовниц, не развивая ее и ничем не подтверждая, — первый в статье „Боярин-западник XVI в. (Ф. И. Карпов)“, второй в книге „Русская публицистика XVI в.“.

Отвечает ли исторической правде это суждение об опале, была ли опала на самом деле? В документах мы не находим ничего, что подтверждало бы мнение об опале и о послании как отклике на нее Ф. Карпова. Обратимся к посланию, ибо только оно одно может помочь нам в выяснении этого вопроса.

С одной стороны, в нем мы находим места, прямо говорящие, что послание является ответом митрополиту Даниилу на какое-то его посла-

¹ ЛЗАК, 1908, вып. 21, стр. 112.

² Эта фраза, как доказал В. Ф. Ржига, является дословным переводом двух строчек из „Метаморфоз“ Овидия. См.: Известия Академии Наук, № 15, 1914, стр. 1105.

³ ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 112.

⁴ Там же, стр. 111—112.

ние: „от словес епистолии твоей, пресветлейше, научаюся...“¹ „ныне убо, что отвечаю тебе, и како пресветлейшей епистолии твоей конец положить возмогу, како бо возможно есть мне не свершеному от свершенных и вышних вещей свершеннейшему тебе отвечать, светлейшая бо твоя епистолиа ползовати мне тебя пишет... да не глух противу честных писаний твоих буду... Что воздам попечению твоему, имже по вся дни о спасении душ наших печешься святого учения настояние и святейшаго живота прежних отец образом, и данною по мне епистолии твоей избытием“.² „По предиреченных же веледушна мя твориши к терпению даже до конца светлейшими епистолии твоей совещаши во скорбех и противствех моих...“³

С другой стороны, мы находим в послании строки, прямо говорящие, что Ф. Карпов в период написания послания находился в удрученном состоянии духа, — это и уже выше приведенная цитата, в которой Ф. Карпов прямо говорит о своих „скорбех и противствех“, и прямое признание „зане великими скорбьми одържим есмь; увы, ныне несть мне время епистолей слагати, но время належитъ рыданию, не бо плачевнаа книга Иереми не толиких рыдании исполнена быти может, елико моя худая епистолиа“.⁴

Однако этих признаний еще слишком недостаточно, чтобы присоединиться к мнению об опале. Что могло заставить Ф. Карпова, человека, связанного служебной деятельностью с самодержавной властью, не взирая на опасность, выступить с критикой существующих порядков, правда, не в открытой, а в тщательно замаскированной форме, но все же с критикой, которая могла плачевно отразиться на его дальнейшей жизни и деятельности?

Событием, возмутившим его настолько, что он, пренебрегая последствиями, высказался открыто, могло явиться осуждение и заточение в тюрьму Максима Грека, человека, которого он очень уважал и с которым был тесно связан. Как мы уже видели, Ф. Карпов принадлежал, несомненно, к оппозиционно настроенным слоям боярства. Но оппозиционность его была не активная, не открытая, а скрытая. Это — глубоко запавшее ему в душу недовольство новыми порядками, самодержавной властью. Однако, связанный с нею своей служебной деятельностью, опасаясь навлечь на себя опалу, он не высказывал своего недовольства. И понадобилось, видимо, какое-то из ряда вон выходящее, возмутившее оппозиционно настроенных лиц событие, чтобы эти его настроения прорвались. Но даже и здесь, несмотря на охватившее его возмущение, Ф. Карпов очень осторожен; он не прямо высказывает свое недовольство, а говорит намеками и умело маскирует свои взгляды. Это подтверждается и тем, что сам Ф. Карпов говорит в послании: „... яз ныне о тех, яже умыслил, молчание устом моим налагаю...“⁵

Если мы примем высказанное выше предположение, то понятны станут и сетования Ф. Карпова, и его удрученное состояние, большие „скорби“, о которых он сам нам сообщает. За этим настроением скрывается недовольство и существующими порядками и, возможно, несправедливым, по его мнению, осуждением Максима Грека.

¹ Там же, стр. 106.

² Там же, стр. 107.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ Там же.

Но почему же тогда в послании встречаются места, говорящие о том, что оно является ответом митрополиту Даниилу?

Мы допускаем такое предположение. Глубоко возмущенный, как и все связанные с Максимом Греком консервативные слои боярства, его осуждением и заточением, Ф. Карпов обратился к митрополиту Даниилу, главному и непримиримому противнику Максима, за объяснениями, а может быть даже и просил его оказать снисхождение последнему. Митрополит ответил ему посланием, в котором обосновывал необходимость терпения и смирения в обществе, и это свое мнение переносил на Максима Грека. И вот после этого-то и появилось уже известное нам послание, в котором Ф. Карпов высказался в критическом духе о власти и о современной ему действительности, но в очень осторожной форме, ничем прямо не напоминая об осуждении Максима Грека, хотя в его рассуждениях о царской милости и можно усмотреть отдаленный намек на судьбу последнего. Так, в одном месте послания, говоря о том, каким должен быть царь в государстве и как он должен управлять, Ф. Карпов заявляет о необходимости сочетания в государстве правды с милостью, за которую и любят подвластные своих царей. В другом месте Ф. Карпов заявляет, что обязанность царей в своих царствах защищать неповинных, освобождать страждущих, беречь своим жалованием и милостью добрых подвластных.

Если принять это предположение о поводе, вызвавшем послание, то время написания послания мы можем отнести к 1526 году. Собор, на котором был осужден Максим Грек, состоялся в 1525 году. Значит, ранее 1525 года послание не могло быть написано. Но для того, чтобы обратиться к митрополиту Даниилу, получить от него ответ, тщательно обдумать его и ответить новым посланием, требовалось время, и не малое, поэтому время написания послания можно отнести к 1526 году.

Это предположение подтверждается и следующим обстоятельством. В „Послании митрополиту Даниилу“ содержится скрытое выступление против второго брака великого князя, которому активно содействовал митрополит, защищая государственные интересы. Ф. Карпов высказывается об этом следующим образом: „ныне в мире некоторый порок не скуден, в том числе и разврат, от него же дело общее человеческое падает“. Княжеско-боярские реакционные круги были очень недовольны вторым браком Василия III, так как надеялись на восстановление после смерти великого князя порядков удельной старины. Развод Василия с Соломонией и новый брак его они считали „развратом“, делом противозаконным и незаконным.

Соломония была пострижена в монастырь в конце 1525 года, а в начале 1526 года Василий уже вступил в новый брак. Отсюда также вполне вероятно, что послание не могло быть написано ранее первых месяцев 1526 года, поэтому первоначально высказанное нами предположение о времени написания послания получает здесь новое подтверждение.

В послании митрополиту Ф. Карпов высказал свои взгляды на царскую власть, прямо противоположные взглядам митрополита Даниила и других идеологов самодержавия, обосновывавших идею божественного происхождения царской власти и считавших царя неограниченным главой своих подданных, которые должны покорно и терпеливо переносить всевластие самодержца.

Ф. Карпов протестует против этой концепции. Он выступает с критикой окружающей его действительности, он недоволен существующим положением. Ф. Карпов возражает против терпения и покорности

в обществе. Нетрудно заметить, что понятия „терпение“ и „покорность“ он ассоциирует с ничем не ограниченным произволом правителя. Таким образом его рассуждения о терпении в гражданском обществе, о покорности, — это выступление в тщательно прикрытой форме против неограниченной власти государя.

Но, выступая с критикой существующего порядка, выступая против неограниченной власти государя, как мы уже отметили выше, Ф. Карпов выдвигает и свою положительную программу. Он считает, что государство должно управляться царем „по правде“. Что же понимает Ф. Карпов под „правдой“? Ведь о необходимости „правды“ в государстве писал позднее И. Пересветов — идеолог дворянско-помещичьей группировки господствующего класса, и такой яркий представитель боярской оппозиции, как изменник Курбский.

„Правда“ Ф. Карпова имеет совершенно другой смысл, нежели „правда“ И. Пересветова, который под „правдой“ понимает неограниченную власть государя над его подданными, царскую „грозу“. Ф. Карпов под „правдой“ понимает законы, основанные на „обычаях святых и благих уставах“. Следовательно, по Карпову, царь должен управлять по законам, основанным на каких-то старых обычаях и традициях, а неограниченная власть — это беззаконие,

Класс реакционный, сходящий с арены общественной жизни, в своей идеологической борьбе с классом победившим, прогрессивным, имеющим свою политическую программу, пытается действовать также и моральными аргументами. У боярства нет точного представления о государственной власти, какой она должна быть в данный момент, оно отстаивает старые порядки. Для обоснования своих притязаний боярские публицисты ничего другого не могут привести, кроме ссылки на „старые обычая“, традиции. История знает тому немало примеров. Очень яркий пример — опальный Берсень-Беклемишев. В своих беседах с Максимом Греком он жаловался, что князь великий Василий „старых обычаев“ не держится и „людей старых“ не почитает и „запершиися сам третей у постели всякие дела делает“.¹

По мнению Ф. Карпова, „правда“ должна сочетаться с милостью, за которую и любят подвластные своих царей. Это типичный старо-боярский взгляд на власть царя. Вспомним, что говорил тот же Берсень-Беклемишев в беседах со своими сторонниками, направленных против Василия III: „добр, деи, был отец великого князя Василия князь великий Иван и до людей ласков“.²

Для того чтобы наиболее убедительно аргументировать выдвинутую им программу и доказать ее полную обоснованность, Ф. Карпов ссылается на историю развития человеческого общества и на идеальное государство Аристотеля, которое управляется „начальниками“ по „правде“ и известным праведным законам, а не терпением. Ф. Карпов отмечает, что во все времена и века люди жили под властью законов, и это вполне справедливо, так как всегда среди людей находятся злые, и добрые люди от них страдают. Поэтому законы нужны и сейчас, чтобы запретить человеческую дерзость и обуздать злых. Весьма возможно, что под дерзкими Ф. Карпов разумеет дворянство, которое росло, выдвигалось на передний план и в лице самодержавия имело своего могущественного покровителя, в то время как боярство теряло свое положение, разорялось, подвергалось репрессиям со стороны цен-

¹ Орывок из следственного дела И. Берсень-Беклемишева. Акты Археографической экспедиции, т. I, № 172 стр. 142.

² Там же.

тральной власти за свое упорное стремление жить „по старине“. Соперничество неродовитых, незнатных с кичающимися своим происхождением боярами в представлении последних было необыкновенной дерзостью, на которую жаловался и Берсень-Беклемишев в своих беседах с Максимом Греком.

Послание пронизано обличениями „злых“, выступлениями в защиту „добрых“. Но что понимает Ф. Карпов под этими категориями? „Добрые“ и „злые“ у Ф. Карпова — это не только нравственное деление людей. У него это деление имеет глубокий социальный смысл. „Злые“ — это те, кто творят произвол, заставляют людей жить „под тяжелой работой смирения и терпения“, это представители центральной власти; „добрые“ — это те подвластные, которые терпят беззакония от „злых“, т. е. под термином „добрые“ Ф. Карпов имеет в виду свою социальную среду и, следовательно, выступая против „злых“, выступает одновременно на ее защиту.

Анализируя взгляды Ф. Карпова на государственную власть, нетрудно заметить большое их сходство со взглядами такого ярчайшего представителя оппозиции, каким является А. М. Курбский, изменивший родине и бежавший в Литву в 1564 году.

И Курбский и Карпов — оба выступают против неограниченной самодержавной власти государя. Для обоих самодержавие, самовластие, являются беззаконием, которое надо устранить путем введения „правды“ в государстве. Этот характерный момент прослеживается как в послании Ф. Карпова, так и в произведениях Курбского, в его письмах Ивану Грозному и в „Истории о великом князе Московском“.¹ И у Ф. Карпова и у Курбского „правда“ в государстве представляет ограничение самодержавной власти царя, которую они оба считают „произволом“.

Но в произведениях Курбского политическая программа консервативного боярства выражена откровеннее. Он прямо говорит о необходимости ограничения самодержавной власти боярским советом: „самому царю достоит быти яко главе, и любити мудрых советников своих, яко свои уды“.² „Когда в заповедех господних пребывал еси, избранных мужей нарочитых окрест себя имел еси, и не токмо был еси храбрый, мужественный подвижник и врагом твоим страшен, но и священного писания преполон и святынею чистою освящен. А ныне во якую бездну глупства и безумия развращения, ради прескверных маньяков твоих, совлечен еси! И памяти здрави лишен!“.³

А. Курбский прямо упрекает Грозного за самовластие. В одном из писем к нему он говорит, что „казни праведных различных“ — это „беззакония“ царя, „еже в Руси никогда не бывали“.⁴ Этого нет у Ф. Карпова, ибо, как мы уже отметили выше, „Послание митрополиту Даниилу“ это только частное письмо, не претендующее на детальное и полное освещение всех вопросов теории государственной власти.

У Ф. Карпова, так же как и у А. Курбского, встречается деление людей на „добрых“ и „злых“, и у обоих оно имеет социальный смысл. „Злые“ — это представители центральной власти и стоящие за самодержавную власть, защищающие ее и обосновывающие ее божественное происхождение; „добрые“ же — это преследуемое, критически настроенное по отношению к самодержавию, боярство.

¹ Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского. СПб., 1868.

² Там же, стр. 37.

³ Там же, стр. 210.

⁴ Там же, стр. 46.

Возвратимся к анализу послания, так как в нем есть еще моменты, очень важные для характеристики социально-политических взглядов Ф. Карпова. Все послание пронизано протестом против расширения той роли, которую церковь, монастыри начинали играть в общественной жизни.

Как известно, иосифлянская церковь временно тесно связала свои интересы с интересами самодержавной власти. Обосновывая принцип божественного происхождения царской власти и проповедуя неограниченную власть государя над его подвластными, церковь взамен получила защиту своих земельных владений от посягательств консервативного боярства, проповедовавшего нестяжательность церкви. Церковь и центральная власть были союзниками, взаимно усиливающими друг друга.

Но княжеско-боярские оппозиционные круги выступали против этого союза. Они хотели ограничить политическую роль церкви в государстве и таким образом ослабить центральную власть, лишив ее крепкого союзника. Вот с этой-то целью и проповедует Ф. Карпов необходимость смирения и терпения в монастырях. Это замаскированное ограничение роли церкви в общественно-политической жизни страны.

В „Послании митрополиту Даниилу“ мы встречаем одно интересное для взглядов Ф. Карпова место — это выступление против золота.

Акад. Б. Д. Греков в книге „Крестьяне на Руси“ приводит данные об огромной задолженности боярства, которая непрерывно увеличивалась с начала XVI века.¹ Образование единого централизованного государства изменило строй жизни высших классов общества, начиная с самого великого князя. Вместе с ростом потребностей усиливалась и жажда их удовлетворения, а это требовало денег. Старые хозяйства боярства уже не могли удовлетворить его возросшие потребности, особенно если они были связаны со службой, придворной и военной, предъявлявшей известные требования к людям этой среды. Отсюда огромная задолженность знати, займы, заклад имущества и, наконец, разорения. Вот почему своеобразное выступление Ф. Карпова против золота можно расценить как отголосок тяжелого положения в конце запутавшегося в долгах боярства. Это не выступление против золота как такового, а выступление в защиту боярства против центральной власти, являющейся косвенным виновником тяжелого положения боярства.

И, наконец, в конце послания мы встречаем слова, прямо говорящие о консервативности Ф. Карпова, о его старобоярской ориентации. Это, как выше указано, выступление против какого бы то ни было развития, движения вперед в общественной жизни, мечта о том, чтобы общество застыло на одном месте, — мечта, типичная для старобоярских консервативных кругов. Чувствуя, что вместе с движением общества вперед приближается их гибель, что новая социальная сила растет им на смену, бояре тщетно стремились предотвратить неизбежное. И Ф. Карпов разделял мечту о возврате прошлого — об „обетованной земле живых“, где вечны и незыблемы „старые обычаи“, где „часы не начинают дней, восхода и захода не имеют, годового предела не стяжут, старость младенчества не прменяеть, немощь здравия не озлобляеть, смерть живота не скончаваеть, времена несчастья тамо не чаютяся, тамо вся красна, ничто не благо, вся добра, ничто спротивно, несть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никоего неразумиа, но всевечна премудрость“.²

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 598.

² ЛЗАК, вып. 21, 1908, стр. 112—113.

Итак, будучи связан своей служебной деятельностью с центральной властью, с новыми порядками, Ф. Карпов тем не менее не сочувствовал этим порядкам и находился в скрытой оппозиции к центральной власти, имея связи с боярскими, консервативными кругами. Боясь навлечь на себя гнев правительства, Ф. Карпов таил свое недовольство в себе и, даже когда высказал свое отношение к существующему строю, выступил не открыто, а в замаскированной форме.

Таким образом мы видим, что личность Ф. Карпова очень противоречива: с одной стороны, его служебная деятельность непосредственно служила укреплению централизованного государства, с другой стороны, его мысли и взгляды резко расходились с его служебной деятельностью.

В заключение необходимо остановиться еще на одном моменте: чем являлось „западничество“ Ф. Карпова?

В. Ф. Ржига разбирает этот вопрос, не учитывая социальной принадлежности Ф. Карпова. Он оценивает „западничество“ Ф. Карпова положительно, считая его показателем передовых взглядов. Однако „западничество“ Ф. Карпова имеет другую основу. Оно связано с непринятием современных ему порядков, что являлось характерным для консервативно настроенных боярских кругов.

Реакционные круги, ненавидя всеми силами центральную власть, стремились противопоставить русским порядкам западноевропейские. Отсюда у Ф. Карпова ссылки на идеальное государство Аристотеля, которые дают возможность показать неприемлемость для него русского строя, отсюда и его обращение к Овидию — знаменитая фраза „ныне брани везде“, которая перекликается с точно таким же высказыванием казненного Берсеня-Беклемишева.

„Западничество“ Ф. Карпова не показатель прогрессивности, а, наоборот, показатель реакционности его взглядов, что особенно ярко проявилось в „Послании митрополиту Даниилу“.